

THE NEW HOUSE

BLADEFREGA

НОВЫЙ ДОМ

НОВЫЙ ДОМ

Едва поженившись, они решили жить в Козенце.

Там официально числился мой отец, и Gillette направляла туда всю служебную переписку и материалы.

Моя мать ждала первого ребёнка.

В шестидесятые пол ребёнка заранее не знал никто.

Доступные исследования были инвазивными, рискованными, и никто не желал играть в азартные игры с ребёнком, который ещё даже не родился.

Ахахахах.

Настало Рождество 1963 года.

Gillette утвердила перевод отца в Реджо-Калабрию.

Мать была счастлива.

Её ребёнок родится в месте, которое она знала лучше всего.

В её городе.

По коридорам дома ходила одна шутка:

«Какая была бы трагедия, если бы кто-нибудь заглянул в удостоверение моего ребёнка и обнаружил, что он родился в Козенце. Что подумала бы моя родня?»
Ахахахах.

Они нашли квартиру всего в двухстах метрах от дома моих бабушки с дедушкой.

Очевидное соображение было такое: у моей матери, которой едва исполнилось семнадцать, рядом окажется семейная поддержка.

Возможно, кто-нибудь поможет с малышом, когда понадобится.

Но жизнь решила сыграть в другую игру.

Отношения между матерью и дочерью были уже надломлены.

Её отец полагал, что воспитание решается побоями.

Это никогда не срабатывало.

Ни единого раза.

Даже когда моя мать позже попыталась применить тот же метод к собственным детям, результат оказался тем же.

Провал.

Молодая.

Красивая.

Яркая.

И совершенный бес.

Она успевала придумать сотню затей до завтрака и осуществить ещё сотню до ужина. Но она была моей матерью.

Тереза, моя сестра, родилась в январе 1964 года.

Девочка.

Никто из родни не помчался навестить.

Большинство добралось неделями позже.

Почти так, будто состоялись похороны.

Такова была культура южноитальянского города, где подлинным ресурсом общества считались мужчины.

Мужчины.

Тому же обществу понадобится ещё шестьдесят лет, чтобы обнаружить: действительность устроена иначе.

Возможно, моя литература подняла эту тему.

Понять её — дело другое.

Что ж, тринадцать месяцев спустя явился я.

Февраль 1965 года.

И вдруг из Козенцы и из всех окрестных деревень явились волхвы.

Праздник.

Прибыл наследник мужского пола.

Род продолжится.

Мой отец был человеком энергичным. За следующие восемь лет вполне могли появиться ещё десятеро детей.

Вместо этого были аборты, один за другим.

Отец не любил презервативы: он утверждал, что они выбивают его из равновесия.

Мать предпочитала другой метод.

Она пользовалась кредитной картой.

Доктор решал вопрос.

Однажды днём мать пошла к парикмахеру.

Как всегда бывает в подобных местах, там обменивались доверительными новостями.

Кто-то обмолвился, что сын домовладелицы вот-вот женится и они подыскивают другого жильца нам на замену.

Моя мать была очень хороша в математике.

Она вернулась домой, позвала отца и изложила простое уравнение.

«В течение семи дней купи новый дом. Мы съезжаем».

Отец зарабатывал всего 750 000 лир в месяц.

Но у матери была галантерейная и швейная лавка.

Один телефонный звонок деду по отцовской линии — и деньги вдруг материализовались.

Маклер по недвижимости показал отцу черновую, недостроенную квартиру. Владелец хотели семь миллионов лир.

На счету отца лежало ровно семь миллионов лир.

Ни лирой больше.

Ни лирой меньше.

Он её купил.

В квартире были внутренние стены.

Больше ничего.

Ни законченной отделки.

Ни нормальных удобств.

Мать готова была его убить.

«И где, чёрт возьми, нам спать без дверей, окон и ванной?»

Отец рассмеялся.

«Я — Frega».

«К маю 1973-го мы будем жить в новом доме».

В марте 1973-го прибыли ещё двое Frega.

Близнецы.

Годы спустя отец скажет:

«Но я-то вышел вовремя. Как они, чёрт побери, туда попали?»

И я всегда давал один и тот же ответ, а все смеялись. «Проблема никогда не в том, чтобы попасть внутрь, пап. Это как раз просто».

«Проблема — выйти вовремя».

«Может, ты не в такт».

«Твои часы Vulova отстают на пару секунд».

Ахахахах.

Он никогда не занимал у банка.

Никакой ипотеки.

Никаких кредитов.

Друзья и знавшие его люди давали в долг.

И он никогда не нарушал слова.

30 мая 1973 года мы въехали.

Большую часть переезда провернули вдвоём — отец и я.

После двух дней таскания мебели я, восьмилетний, в одиночку втащил стиральную машину на третий этаж и внёс в квартиру.

Наконец-то мы были в собственном доме.

Отсюда нас никто и никогда не выгонит.

По крайней мере, такова была теория.

Годы спустя мои родители умерли, и одному из братьев удалось завладеть всем.

Но это уже другая история. Пока, пап.